

За мир без фашизма

Что такое фашизм?

Фашизм — это потерпевшее поражение движение, набирающее себе сторонников среди представителей мелкой буржуазии, которые боятся потери своих мелких привилегий во времена экономической неуверенности; среди предавших свой класс ментов и надзирателей и среди отчаявшихся безработных, которые верят в то, что их единственное спасение придёт через жестокое преследование других представителей рабочего класса. Фашизм куёт альянс представителей разных классов, чтобы начать извращённую атаку на существующее капиталистическое государство, не с тем, чтобы его отменить, а чтобы его захватить. Он насильственным образом реорганизует общество, чтобы оно служило новым государственным паразитическим классам воинов и администраторов. Он не ограничивается только простым захватом контроля над государством, но и пытается интегрировать вообще всю культуру и капитал в военную иерархию с расистской кастовой системой.

Фашизм перехватывает гнев против богатых и искажает его. Он восхваляет железный кулак военщины и высказывает презрение к бархатной перчатке корпоративных начальников и политиков. Гнев направляется против иммигрантов и женщин. Он питается завистью к богатым. Для фашистов власть должна основываться не на акциях и голосованиях, а на крови и огне.

Патриархат фашизма даёт новое определение женщинам — не собственность отдельных мужчин, а государственный ресурс на окраинах мужского общества. Правящий класс с презрением отвергается как мягкотелый, а патриархальное насилие и мачизм возводятся на пьедестал.

Его экономика движима империализмом: войной, мародёрством и порабощением. Он освобождает своих приверженцев от тяжёлого и нудного повседневного труда или от нищеты безработицы, вознося их наверх, в новый правящий класс угнетателей, одновременно с этим принуждая к труду женщин, лишённых свободы жителей колоний и рабов. Это крайняя форма капитализма, которая становится главной линией развития только в контексте кризиса капитализма и потери законности правящей элитой.

Тоталитарные мечты фашистов часто созвучны желаниям многих государственников, которые хотят развязать себе руки от обмана «демократического» правительства и гражданских свобод. Подобно правым эскадронам смерти в Латинской Америке и ночным всадникам Ку-клукс-клана, ополчения являются огромным соблазном для тех государств, которым приходится бороться с кризисом капитализма. Точно так же местная буржуазия часто готова оплачивать счета, когда она находит, что глобальный новый порядок недостаточно отзывчив по отношению к её мелким проблемам. Именно поэтому

капиталисты в случаях острой необходимости обращаются к фашистам, но затем им приходится бороться за то, чтобы сохранять свой контроль. Фашизм — это порождение непримиримых противоречий капитализма, и его нельзя просто низвести до роли лакея установленного порядка.

Фашизм белых расистов является угрозой для всех «небелых» людей, для движения рабочего класса и для настоящей социальной революции. Это угроза обманных мечтаний, настоящих пуль и фабрик геноцида для тех, кто покажется «низшим» или же угрозой для «нации» или «белой расы»...

Зачем выступать против них?

Фашистские организации, такие, как Национальный альянс, убеждают людей не хитрыми аргументами в пользу расового превосходства. Они убеждают их демонстрацией мощи. Фашистская идеология давно шла рука об руку с силой кулака, дубинки и ружья. Национальный альянс использует крупные демонстрации, вроде той, что они планируют на 24 августа [2002 года, в Вашингтоне], чтобы дать своим приверженцам почувствовать власть и контроль, ощущение причастности почти что к военной силе, а также легитимизировать себя в качестве серьёзной организации. Акты насилия против тех, кого они провозгласили своими врагами (людей с отличным от белого цветом кожи, иммигрантов, инвалидов, евреев, гомосексуалистов, анархистов и т. д.), часто происходят после подобных демонстраций. [...] По этим причинам фашистам нельзя позволять использовать демонстрации в качестве инструмента для вербовки сторонников и усиления влияния. Как революционные анархисты, мы не можем им позволить спокойно использовать это примитивное, однако эффективное средство организации. Именно поэтому конфронтация необходима.

Однако стратегии, основанные исключительно на реагировании, только помогают фашистам. Существуют стратегические вопросы, на которые надо ответить, когда мы выступим против Национального альянса 24 августа. Что значит эта конфронтация и как мы, будучи анархистами, сможем донести своё антифашистское послание из активистского гетто в умы и сердца представителей рабочего класса? В кого мы целим, когда мы вступаем в эту конфронтацию? Какие тактики мы используем против Национального альянса?

Во-первых, мы должны понять, что нанести поражение фашизму — значит не чураться трудной работы в наших сообществах. Будучи федерацией, NEFAC отдаёт первенство участию в решении проблем, связанных с жильём, нищетой и местами работы. Это борьба, в которую мы вовлечены как верящие в классовую борьбу анархисты. Наша стратегия предполагает, что участие и вмешательство в эту борьбу, с анархо-коммунистической точки зрения, поможет радикализировать её, а также многих людей нашего класса, вместе с которыми мы боремся в своих районах и на рабочих местах, и что она построит сильное, многорасовое движение, способное нанести поражение фашистам. Постепенно строя базу для истинно массового, революционного анархического движения, способного нанести поражение не только фашистским организациям, но также и объединённым силам капитала и государства. [...]

Когда мы выступаем против Национального альянса, мы также общаемся с белым рабочим классом. Мы показываем им, что фашизм — это путь, которым крайне опасно следовать, и что существует сильное движение, противостоящее расистской идеологии. Мы делаем это несколькими способами. Мы должны разъяснять представителям своего класса, какое значение Национальный альянс имеет для наших сообществ, и работать над тем, чтобы политизировать своих соседей, сослуживцев, друзей и родных и дать им представление об идеалах анархизма. Мы должны, не покладая рук, вести работу против белого доминирования, которое лежит в основе нашего общества. На тактическом уровне мы должны при любой возможности вступать в физические конфронтации с Национальным альянсом и прочими распространителями ненависти. Хотя сейчас мы и преимущественно белая организация, решительно важно, чтобы мы строили принципиальные связи с сообществами и организациями людей с отличным от белого цветом кожи и вступали в совместную борьбу против фашистов.

Таким образом, конфронтация означает принципиальную поддержку для всех представителей нашего класса, которых капитализм обездолил, и провозглашение анархических решений для проблемы неравенства в системе, с которой мы сталкиваемся. Классовая война может быть выиграна или проиграна в зависимости от того, смогут ли обездоленные объединиться против своих общих врагов. Мы должны не давать белому доминированию продолжать разделять рабочий класс, и нам надо вести содержательный диалог внутри своего класса касательно того, почему расистские и фашистские убеждения являются тупиком для рабочего класса и почему анархическая социальная революция — это цель, за которую надо бороться. Конфронтация также означает возможность физического столкновения с фашистами на улице. Когда они чувствуют свою безнаказанность и силу, это придаёт им храбрости. Когда они смелеют, результатом становится насилие. Когда их физически вытесняют с улиц, они теряют своё чувство силы и разочаровываются в своих организациях.

Мы предоставляем организациям вроде Национального альянса отличную возможность для распространения их послания среди населения, если не будут широко распространяться анархические убеждения, стратегии и цели. Другое видение мира должно существовать и пропагандироваться.

Каково решение проблемы фашизма?

Анархическая социальная революция!

Северо-восточная Федерация Анархо-коммунистов (NEFAC) / Federation des Communistes

Libertaires du Nord-Est, август 2002 года.

Фашизм существует не только в Северной Америке и Западной Европе. В данной статье российский анархистский журнал «Автоном» говорит об ограниченности некоторых из групп, которые, как считается, борются там с фашизмом.

Теперь это модно

Избиение коричневой мрази стало весьма популярным развлечением среди городской молодёжи разных национальностей. Даже кремлёвские политтехнологи, почитав «Автоном», сделали вывод, что антифашизм имеет некоторые перспективы.

На месте «Идущих вместе» было создано движение «Наши», которое определяет фашизм так, как это традиционно принято в России: фашистами считаются все «предатели», то есть те, кто уже не соответствует интересам существующей власти — сейчас речь идёт о либералах и большевиках. [...]

Либеральная общественность подняла много шума вокруг появления «Наших», но истеричные либералы не понимают, что «Наши» будут существовать ровно столько, сколько власти будут заставлять бизнес выделять им деньги. Через год или два их заменит какой-нибудь новый бренд, чтобы отвлечь внимание от того, что на самом деле происходит в стране.

Но всё-таки «Наши» способствуют до определённой степени нагнетанию атмосферы страха и насилия в обществе — в том числе, благодаря налётам на оппозиционные молодёжные организации. Представители «Наших» заявляют, что их организация будет решать проблему фашизма «не путём противостояния, а путём перевоспитания»; они собираются «создать детям спортивно-культурный досуг», и у них «на погромы времени не будет». И как это оказывается кстати. Националистическое движение в России сейчас переживает кризис. В течение последних трёх лет националисты не были способны организовать ни одного масштабного погрома в Москве без пособничества определённых кругов политической элиты, как это доказывают заказные погромы после футбольного матча Россия-Япония в июне 2002 года и на Царицынском рынке в октябре 2002 года. Сейчас эти политические проститутки остро нуждаются в финансировании и тренировочных лагерях, которые им могут обеспечить «Наши».

Антифашизмом интересуются не только власти. Года два назад одному из создателей сайта «Бритоголовая революция» позвонили из РАО ЕЭС: «Здравствуйтесь, предлагаем вам стать молодёжным движением СПС, мы можем предложить вам очень много денег». Предложение было отвергнуто, но напоследок чиновник заявил: «Вы не понимаете, мы можем предложить ОЧЕНЬ много денег...».

Предложения о сотрудничестве постоянно поступают и от оппортунистов не такого высокого полёта: от разных правозащитных НПО, троцкистов, молодёжных организаций политических партий... Это признак того, что у них опять появилась возможность получить какой-нибудь грант на «антифашистскую деятельность», и им нужны люди, которые будут выполнять грязную работу. Но их желание обычно быстро проходит, по крайней мере, если их навесят человек 50 с арматурой из противоположного лагеря.

Но фашизм и парламентская демократия, за которую выступают либералы — не противники, а две стороны одной медали. Тоталитаризм и парламентская демократия — это два варианта управления государством при капитализме. С точки зрения капитала, оба имеют свои достоинства и недостатки. Парламентская демократия более способна к урегулированию конфликтов между интересами разных групп в обществе. Но обычно

конфликт улаживается только после увеличения государственных расходов, что требует постоянного экономического роста, для которого, в свою очередь, необходима более интенсивная эксплуатация рабочих, природных ресурсов, животных и «менее развитых» стран. Когда эта интенсификация достигает своего предела, наступает экономический кризис.

И в условиях экономического кризиса зачастую выгоднее перейти к фашизму, поскольку он обеспечивает государство более широким набором средств для подавления протеста. Однако, поскольку фашизм постоянно нуждается во внутренних и внешних врагах, в перспективе эта система весьма нестабильна; поэтому сейчас большинство экономических и политических элит мира предпочитает парламентскую демократию с некоторыми элементами фашизма («антитеррористическое» законодательство, сбор биометрических данных граждан, повсеместное размещение камер видеонаблюдения, телевидение, полностью находящееся в руках государства или крупных капиталистов, лояльных ему...). Нет никакого сомнения, что при необходимости элиты готовы немедленно перейти от парламентской демократии к фашизму — в современном высокотехнологичном обществе это стало проще, чем когда-либо ещё.

Фашизм всегда будет неизбежным элементом капитализма, особенно в условиях экономического кризиса; уничтожение фашизма без уничтожения капитализма невозможно. Именно демократы, из-за страха перед «угрозой коммунизма», передали власть Муссолини в 1922 году и Гитлеру в 1933-ем, соблюдая при этом все законы. В Италии либералы некоторое время даже сидели в правительстве вместе с фашистским диктатором.

3 мая 1937 года в Барселоне республиканцам не удалось победить рабочих: хотя полиция и захватила центр города, анархо-синдикалисты из НКТ и марксисты-интернационалисты из партии ПОУМ смогли отстоять рабочие кварталы. Но то, что правительство республики не достигло на военном фронте, было достигнуто на политическом. Под лозунгом «антифашистского единства» анархо-синдикалисты сложили оружие. Всего через несколько недель после фактической капитуляции анархистов перед буржуазной демократией была начата охота на всех противников сталинизма, создана служба безопасности по модели НКВД, добровольные милицейские отряды слиты с регулярной армией, сталинист Листер отправил войска для разгрома коммун в Арагоне... Советское оружие республиканцев было не хуже немецкого оружия фалангистов, так что поражение республики невозможно объяснить только военными причинами. К 1939 году процесс создания тоталитарного государства усилиями большевиков был завершён, и рабочие уже не видели смысла воевать за режим, который ничуть не отличался от режима Франко. Причина поражения «антифашизма» большевистского образца в Германии и Испании 1930-ых проста — было сложно увидеть разницу между ним и самим фашизмом.

Существует много разновидностей антифашизма. Единственно, каким не может быть антифашизм — это «аполитичным», потому что невозможно быть «против» чего-то, без одновременного выступления «за» что-то. И тот, кто не предлагает никаких альтернатив фашизму, по сути выступает за существующий режим, для которого переход от парламентской демократии к фашизму и обратно — всегда только прагматичный выбор, зависящий от текущей ситуации.

Наш антифашизм — это каждая сорванная фашистская наклейка, каждая закрашенная свастика и кельтский крест, каждая разбитая фашистская морда. Это антоним всех иерархий, антоним всего, что представляют собой нацизм и капитализм, антоним всех приказов. Это любовь, выставленная против ненависти. Это не авангард самых крутых бойцов, потому что храбрость не равна совести. Это не игра, потому что убийцы шестилетних детей тоже не играют. Это отсутствие централизованного управления — только солидарность. Наш антифашизм не требует ни денег либералов, ни поддержки большевиков, ни помощи бандитов — мы у них не просим ничего, потому что мы живем не ради власти, а ради свободы.

Путин-187, взято из «Автонома» № 25 (2005).

Антифашизм сегодня

Здесь приведена дискуссия (конец 2005 года, каждый из участников представляет только самого себя) между кем-то из Библиотеки им. Кейт Шарпли, участником группы «Классовая Война» (Class War) из Великобритании и североамериканским товарищем, связанным с антифашистским блогом «Борьба на три фронта» (Three Way Fight).

БКШ: Как вы связаны с антифашизмом?

КВ: Я начал принимать участие в антифашистском движении после того, как переехал в Лондон в 1992 году. Я увидел «битву при Ватерлоо» по ТВ и подумал — я хочу принимать в этом участие!

Я пару раз написал АФД, но так и не получил ответа. К тому времени я присоединился к «Классовой Войне», и я просто стал делать что-то через них. Обычно мы просто присоединялись к мероприятиям, организованным другими антифашистами, — как правило, АФД, если оно было в деле, но мы занимались и собственными делами в восточных районах Лондона, или же присоединялись к довольно крупным когда-то группам, не принадлежавших к каким-либо организациям антифашистов в Восточном Лондоне.

К тому времени, как деятельность АФД в Великобритании подходила к концу, я был убеждён, что в противостоянии фашизму необходимо использовать различные тактики и что прямое действие должно рассматриваться в качестве возможного варианта при любой стратегии. Я короткое время был связан с группой «Без платформ» («No Platform»), а когда она сдулась, я был одним из людей, которые сформировали «Антифа» («Antifa»).

БЗФ: После нескольких лет активности в панковских и скинхедских кругах я пришёл к выводу, что с радикальной антиавторитарной политикой должны пересекаться более широкие слои людей вне субкультурной тусовки. Я начал заниматься работой для Анархистского Чёрного Креста (АЧК) и поддержал кампанию в помощь антифашисту, которого обвиняли в нападении на нациста. Комитет Антифашистской Защиты (AFDC) был создан в Миннеаполисе, штат Миннесота, различными анархистами и антирасистами. Революционная анархистская федерация «Любовь и ярость» (Love and Rage Revolutionary Anarchist Federation) также сыграла ключевую роль в распространении информации об этом

деле и о защите, так как подзащитный был членом «Любви и ярости», а также одним из основателей АРД в конце 1980-ых. Эта кампания защиты происходила около 1993 года.

С АЧК мы поддерживали как активных борцов (как в случае с AFDC), так и давних политических заключённых (многие из которых были чернокожими / новыми африканцами, пуэрториканцами и коренными американцами). Эта работа была способом открыть диалог вокруг самой концепции тюремной системы и касательно того, что «закон и правопорядок» был и остаётся механизмом социального контроля, в контексте Соединённых Штатов непропорционально сильно затрагивающим бедняков и людей с отличным от белого цветом кожи.

АЧК был позитивным способом показать радикальную анархическую политику в действии. Выступая общим фронтом с другими группами, мы добавляли в смесь свои собственные воззрения и, делая это, надеюсь, помогали расти себе и своему движению, стараясь выглядеть преданными делу, принципиальными и серьёзными.

Примерно в это время некоторые анархисты и группы АЧК начали развивать отношения с Лоренцо Комбоа Эрвином. Его книга «Анархизм и чёрная революция» оказала серьёзное воздействие на многих анархистов, выступавших за классовую борьбу и против расизма. Тот факт, что Эрвин принимал участие в общественной (и личной) самозащите против нападения белых фашистов, помог ещё сильнее сementировать связь между боевым антирасизмом, политикой классовой борьбы и революционным анархизмом.

К тому времени я переехал в Чикаго, штат Иллинойс, и через АЧК я работал над различными проектами по борьбе с полицейской жестокостью, тюрьмами и джентрификацией. Эта работа не обязательно была антифашистской, но мы всегда старались подходить к ней с точки зрения, которая включала в себя критические перспективы, основанные на расе и классе (а также гендере и возрасте).

Для некоторых из нас наша работа в АЧК привела к более тесному сотрудничеству с антифашистскими проектами, такими, как Антирасистское Действие (АРД). В конце концов, группа АЧК, в работе которой я принимал участие, просто самоликвидировалась и влилась в АРД. С тех пор я специально занимался делами АРД или антифашистской политической активностью.

БКШ: Каковы корни АРД? Каковы его наиболее примечательные достижения?

БЗФ: АРД было основано в 1987 году, когда в скинхедской тусовке произошёл крупный раскол между антирасистами и нс-скинами. АРД было основано «Плешивыми» («Baldies»), многорасовой скинхедской бригадой в Миннеаполисе. Сначала АРД должна была стать средством для построения более массового присутствия антирасистов, чтобы выступить против нацистов, однако, по большому счёту, она оставалась движением скинхедов в течение первой пары лет своего существования. Репутация АРД и «Плешивых» росла по всей стране, и стали формироваться альянсы между АРД и скинхедами-антирасистами. Панк-пресса, например, журнал «Maximumrocknroll», продвигала АРД и писала об акциях против нацистов. На самом деле, именно из «MRR» многие из нас в других частях страны впервые

узнали о «Плешивых» и АРД, приблизительно в 1987-ом или 1988-ом.

К началу 1990-ых АРД превратилось в более широкое движение, ориентированное на молодёжь. По преимуществу оно было анархистским, однако обладало политической открытостью, предотвращавшей его превращение в закрытую секту. Кроме того, это было боевое движение, что по-настоящему отличало его от значительной части левых, которые говорили правильные слова, однако не занимались делом.

В течение 1990-ых деятельность АРД начала затрагивать более широкие круги населения. Различные отделения начали инициировать проекты в диапазоне от антинацистской активности до атак на более институционализированные формы расизма. Этот последний аспект обычно материализовывался в форме «Надзора над ментами» (Cop Watch), являвшегося способом отслеживать и срывать действия полиции в наших городах.

Я бы сказал, что одним из успехов АРД было то, что оно являлось крупнейшим антифашистским движением в США и Канаде. Мне кажется, что я не ошибусь, если скажу, что в течение 1990-ых гг. АРД удалось политизировать сотни активистов, и ещё сотни людей к нему тянулись, не обязательно присоединяясь к ядру организации, однако формируя необходимую периферию. Около 1997-го, навскидку, количество участников АРД составляло полторы — две тысячи человек.

АРД отличал бескомпромиссный политический подход, а также культурный аспект, что привлекало людей. Люди чувствовали, что они становились частью настоящей тусовки. Активисты организовывались, путешествовали и строили движение в период, когда не было интернета (вау, попробуйте себе это представить — ха!) У нас была настоящая сеть, основанная на непосредственных контактах и отношениях. Вы могли ездить в совершенно разные города, и в каждом была бригада АРД, с которой можно было связаться. Более важным было то, что мы непосредственно противодействовали расистским и фашистским группам, которые старались заниматься организационной деятельностью. Первый пункт единой платформы АРД таков:

«Мы идём за ними. Где бы фашисты ни организовывались или занимались общественной активностью, мы там. Никогда не позволяйте фашистам захватить улицы!»

АРД относилась к этому всерьёз. На всём пространстве США и Канады, от больших городов до маленьких посёлков, если фашисты были активны, то АРД организовывалось, чтобы их остановить и чтобы максимально затруднить их деятельность. Разумеется, успеха мы достигали в разной степени. Иногда нам удавалось раздавить фашню. В некоторых случаях нам приходилось признать своё поражение, если им удавалось нас перехитрить, и мы не могли выйти на поле брани. Даже в таких ситуациях АРД пыталось что-то сделать, но иногда битва бывала проиграна, даже если война ещё продолжалась.

В некоторых случаях АРД выступало против ментов, которых мобилизовали для защиты фашистских сборищ. Люди хотели добраться до фашистов, и стена ментов становилась ещё одной мишенью для гнева. В некоторых городах на протесты против фашистов выходили сотни или тысячи человек. При таком количестве людей получалась смесь из самых разных

политических целей и перспектив. АРД старалась находить общий язык с антирасистами из активистских и рабочих кругов, и АРД-шники бросались в самую гущу схватки. Это принесло АРД признание многих людей. В какой-то степени это привело к такому положению, что вы либо любили АРД, либо ненавидели его, но вы никак не могли его игнорировать.

АРД определённо сыграло большую роль в том, что некоторым фашистским группам стало невозможно продолжать свою деятельность. Организации вроде фашистской Мировой Церкви Творца какое-то время спустя не могли действовать на людях без защиты многочисленных полицейских. Их кадры даже стали мишенями для нападения в их собственных районах. Я бы сказал, что АРД в весьма большой степени причастно к прекращению нескольких фашистских операций.

БКШ: Чем вы занимаетесь сейчас?

БЗФ: В данный момент антифашистское движение в США находится в низшей точке отлива. К лучшему или к худшему, но группы вроде АРД следуют за фашистами. Когда фашисты активны, активно и АРД. Когда фашисты ничего не организуют, АРД немного теряется. Эта нехватка последовательности и неспособность сформулировать более широкую программу заставили некоторых активистов сделать шаг в сторону и вновь обдумать нашу программу.

Мне кажется, что у фашистских групп, как и у левых групп, бывают периоды роста и активности, а бывают периоды неуверенности в политическом направлении и стратегии. Постоянным мне представляется фашизм как идеология, способная проявиться и воспользоваться ситуациями, которые стали социально и политически поляризующими, особенно если они связаны с расой, экономикой и культурой. Антифашистам надо разрабатывать широкий анализ, который позволит предположить, где фашистские тенденции могут появиться — в потенциале или в реальности.

К сожалению, большинство организационных действий антифашистов сводится к столкновениям с фашистами на квазивоенной основе. Стратегические и более идеологические соображения рассматриваются настолько по минимуму, что подчас кажется, будто их вообще нет. Мне кажется, существует опасность забиться в собственный мирок и настолько увлечься абстрактным теоретизированием, что мы ничего не будем делать, однако существует и реальная тенденция — действовать, не сопровождая это анализом.

КВ: Сейчас много что нужно делать. Просто собирать разведывательную информацию и быть в курсе стратегий, групп и деятельности ультраправых — это уже огромная задача. Сейчас антифашисты в Великобритании перегруппируются, в то время как фашисты сильнее, чем они когда-либо были в этой стране. Мы играем в догонялки. На личном уровне — в этом году я провёл много времени, изучая ультраправые вебсайты (как британские, так и американские), и много времени в качалке — пища для размышлений и пища для тела!

БКШ: Фашизм — говно, что тут можно ещё сказать?

БЗФ: Я думаю, что многие люди глядят на фашизм и восклицают: «Что за куча дерьма! Как может кто-то по-настоящему верить в это?» Даже многие антифашисты относятся к

фашистскому движению как к шутке, жестокой, но шутке. Без сомнения, в фашистских движениях хватает долбоёбов, идиотов и людей, которые не разбираются в политике, но разве подобные типы не существуют во всех движениях? Я бы сказал, что в настоящем фашистском движении наименее политически грамотные и умные участники будут изгоняться из рядов. Фашизм гордится своими способностями, преданностью и готовностью к жертвам.

Фашистские движения прошлого были популярны, потому что они предлагали всеобъемлющую идеологию с соответствующей программой действий. Миллионы людей приняли фашизм не потому, что эти люди были глупы, а потому, что фашизм предлагал видение социальной трансформации во время международного кризиса. Фашизм был способен мобилизовать массы.

Я считаю, что это важно. Точка зрения, которой я придерживаюсь, рассматривает фашизм, по сути, как настоящее движение с идеями, которые могут привлечь людей и мотивировать их. Это идеология и мировоззрение, с которым нам придётся соревноваться не только на физическом или военном уровне.

КВ: Фашизм — это динамичная политическая идеология, которая стремится привлечь все классы, чтобы объединить их в сильном государстве под контролем иерархически построенной элиты. Обычно раса является ключевым компонентом фашизма, и он всегда предполагает яростный антисоциализм и выступает против любых независимых организаций рабочего класса. Фашизм, как правило, выступает против интернационализма, кроме случаев, когда этот интернационализм основан на расе.

БКШ: Каково нынешнее состояние фашизма в Северной Америке?

БЗФ: Обсуждая фашистское движение в Северной Америке, я, прежде всего, должен сказать, что оно сейчас меняется, и в нём имеется несколько конкурирующих политических тенденций. Чтобы дать ответ, я их разобью на три основные категории. Надо признаться, что категории, которые я использую, являются упрощёнными и, соответственно, преувеличивают некоторые тенденции и игнорируют другие фракции, более мелкие, более идеологизированные, представляющие более сектантский фашизм. Эти группы — это то, что мы могли бы назвать «третьей позицией». Более подробные объяснения потребует целой книги. Но, тем не менее, я думаю, что нижеследующий анализ даст какое-то представление о том, что здесь творится.

Первая категория — это то, что я бы назвал блоком европейского / белого фашизма. Он включает Национальный альянс, Движение созидательности (ранее называвшееся Мировой Церковью Творца), «Арийские нации», различные группы наци-скинхедов, современный ку-клукс-клан и т. д. По сути, они происходят от белого и европейского фашизма и гитлеровского национал-социализма.

В этих тусовках сейчас происходят самые разнообразные расколы. Некоторые из видных вождей в последние несколько лет умерли, и происходит борьба за власть. Мне кажется, что есть основания полагать, будто правительство США развернуло против фашистов

кампанию по предотвращению восстания, включающую убийства кадровых нацистов ментами при неясных обстоятельствах и заключение фашистов в тюрьму по надуманным обвинениям. В нацистских кругах продолжается активность, но, как мне кажется, многие группы сейчас проходят через процесс перегруппировки.

Второй блок не является явно «фашистским» (и благодаря своему американизму некоторые фракции могут заявлять о своём «антифашизме» и иметь антирасистскую платформу, основанную на христианском фундаментализме), но он основывается на более популярной ультраправой, консервативной, религиозной и проамериканской националистической политике. Могут существовать пересечения с бескомпромиссными фашистами, однако этот блок уникален в том, что его часто можно определить как ультраконсервативное движение, которое стремится сохранить Соединённые Штаты как единую страну, хотя и христианскую страну с доминированием белых. Ещё одной значительной политической характеристикой этого блока является то, что он склонен к изоляционизму и желает ограничить участие США в мировых делах. Я бы сказал, что в США это довольно значительный блок. Если возникнет углубляющийся социальный кризис, этот блок может оказаться самой сильной из организованных политических тенденций, находящихся в оппозиции нынешней двухпартийной избирательной системе. Сюда же должны быть отнесены группы, выступающие против иммиграции, организации линчевателей, сельские ополчения и секции активистского движения против права на аборт. Одним важным различием между этим блоком и оголтелыми фашистами является отношение к революции. Большинство неонацистов выступает за социальную революцию и разрушение США, что противоречит желаниям ультраконсерваторов. Хотя при соответствующих социальных обстоятельствах консерваторы могут увидеть нужду в том, что, по сути, сводится к радикальному авторитарному «восстановлению» общества США. Политические идеологи вроде Пата Бьюкенена и его журнала «Американский Консерватор» («The American Conservative») могут считаться ясным голосом этого блока, хотя не обязательно доминирующим.

Последний блок — это не разыгранная ещё карта, и он пока не материализовался на сколько-нибудь массовом уровне, хотя условия для его появления и присутствуют. Прежде чем я буду это излагать, я хочу уточнить, что в данной ситуации огульное навешивание ярлыка «фашизм» несколько проблематично. Тем не менее, определённые характеристики сходны с фашизмом, и любая дискуссия требует серьёзного внимания и анализа авторитарной природы данного блока. Я считаю этот блок основанным на дезорганизованных и маргинализированных массах бедняков и рабочих. Я бы сказал, что это может привести к появлению ультраавторитарных общественных движений, которые ставят мужчин во главу угла, милитаризированы, основаны на религии и повстанчестве.

Эти движения возникают не только в белой / европейской культуре, скорее наоборот. За пределами США «Хамас», садристы в Басре и сеть «Аль-Каиды» являются наиболее вопиющими примерами несоциалистических, неосвободительных движений с идеологической мотивацией. «Хамас», сильно развитый в секторе Газа, обладает конкретным географическим пространством, которое он может определять и контролировать. Он также располагает массовой поддержкой из-за своей готовности сражаться с Израилем и из-за развития собственных программ социальной помощи на контролируемой им территории. Ну, упомянутые только что группы возникли в собственной

уникальной сфере, но я думаю, что здесь могут развиваться не слишком отличающиеся ситуации. Если в Штатах не материализуется революционная «левая» оппозиция, состоящая из угнетённых и определяемая ими, тогда в этой пустоте возникнут более реакционные формы. Эта позиция вызывает споры, поскольку она отрицает тот взгляд, что угнетённые обязательно создадут левую оппозицию государству.

Здесь в Штатах существуют крупные преступные ассоциации, которые действуют в сообществах бедняков и людей с отличным от белого цветом кожи. Эти организации могут быть связаны с определёнными элементами среди властей и ментов, но они всё же обладают сравнительной автономией, которая, как мне представляется, может послужить основой для повстанческой и авторитарной реакции против государства, если произойдёт социальный сдвиг, при котором на карту будут поставлены ресурсы и власть.

Поскольку я дал определения трёх основных (и упрощённых) блоков, я хочу добавить — это означает, что к каждому из них надо подходить особо. Мы не можем обращаться с этими движениями одинаково. Фашизм — и более широкий авторитаризм — сложен, и наши взаимодействия с ним не могут быть статичными.

БКШ: Ты можешь немного рассказать об идее «борьбы на три фронта»? Насколько я понимаю, она заключается в том, что фашисты не обязательно являются орудием нынешнего правящего класса.

БЗФ: В какой-то степени я это уже затронул. Идея «борьбы на три фронта» состоит в следующем. Во-первых, есть государство и капиталистические правящие классы. Во-вторых, есть низовые повстанческие силы, которые сражаются за свои собственные цели и автономны от государства. Здесь это разделяется. Одна сила — это сторонники авторитаризма. Сюда относятся фашисты и авторитарные социалисты. В другом углу находимся мы, революционные антикапиталистические и либертарные левые.

Однако границы здесь не всегда ровные и чёткие. Подобная перспектива не предполагает, что марксисты и ленинисты являются фашистами. И не утверждает, что либертарные и антиавторитарные левые свободны от ошибок и противоречий. Мы просто думаем, что нашей стороне придётся соревноваться — и идеологически, и физически — не только с государством. Мы не считаем, что существует простая дихотомия — «мы и они», это намного более сложно. Авторитарные левые во многом лишились доверия после распада СССР, и с подъёмом «антиглобализационного» движения накатилась новая волна радикальной и народной антиавторитарной политики. Однако всё это может измениться. Нет оснований полагать, что авторитарные и сталинизированные политические взгляды не смогут вернуться, точно так же как нет оснований быть уверенными в том, что антиавторитарная политика будет развиваться и станет доминирующей политической тенденцией в борьбе против государства.

Нам следует заниматься практической деятельностью и предлагать перспективы, которые укоренены в радикальном либертарном и социалистическом видении мира. Не то чтобы на всём, что мы делаем, должна быть большая буква «А» в круге, но нам надо критически относиться к стратегии и политическим тенденциям. Как я сказал ранее, если не будет

революционной антиавторитарной тенденции, то в подобной пустоте разовьётся более авторитарная политика.

Можно подумать, что подобные представления очевидны в анархизме, однако мне так не кажется, по крайней мере, на Северную Америку это не распространяется. Фашизм в качестве оппозиции часто недооценивают, или же революционеры думают, что если дела пойдут плохо и если государство столкнётся с серьёзными трудностями, то это, в конечном счёте, приведёт к объединению оппозиции. Я не разделяю подобных взглядов, мне кажется, что история указывает на появление чего-то гораздо более разнородного.

БКШ: Каково нынешнее состояние британского фашизма?

КВ: То, как фашизм адаптируется к меняющемуся политическому климату, и его способность следовать за временем примечательны, если сравнить его с динозаврами левого движения последнего столетия (и подчас с анархическим движением). Весьма паршиво дравшийся в течение пятидесяти лет, британский фашизм сейчас собрался с силами.

Поглядите на то, как Британская национальная партия (БНП) попыталась организовать в Южном Йоркшире. Они говорили о современных проблемах — о подъёме ислама, об изменениях, привнесённых беженцами, и об их влиянии на социальные службы, о коррупции в местных органах власти, которые долго находились под контролем лейбористов — в то время как левые слишком часто трепались о Палестине или о поражении забастовки шахтёров 20 лет назад. Они пытаются заполнить вакуум.

Во-вторых, я считаю, что международные связи, которые установили между собой фашистские группы в Европе / Северной Америке, посрамляют связи между антифашистами в Европе и США. Нам надо наверстать упущенное.

В Соединённом Королевстве те из фашистов, которые адаптировались к обществу, добились политического преуспевания (гляньте на Ника Гриффина), в то время как те, что сохранили приверженность старым теориям об антисемитском заговоре, либо находятся в застое, либо зависят от притока новобранцев, разочаровавшихся в популистском подходе «новой» БНП.

Самым ловким ходом Ника Гриффина был отказ от обязательства БНП обязательно репатриировать всех, кто не белый. Этот пункт был смехотворным (более чем!), и удаление его означало, что довольно многие из старых нацистов-психов покинули БНП. Когда этот пункт был убран, люди, у которых мог быть случайный чернокожий друг, которые хорошо ладили с персоналом в китайском ресторане у себя на районе, или которым нравилась азиатка в лавке на углу, могли голосовать за БНП без чувства, что они обязательно посылают таких людей в газовые камеры.

Вторая причина роста фашизма в этой стране полностью внешняя, и вполне вероятно, что антифашисты с этим практически ничего не могут поделать. Рост радикального ислама не имеет никакого отношения к этому интервью, однако, на самом деле то, что произошло во многих мусульманских обществах в течение последних 20–30 лет, и то, что люди видят в некоторых британских сообществах, пугает их до полной усрачки.

По поводу этой проблемы, также как по поводу третьего пункта — низкого уровня интеграции между британскими мусульманами и другими сообществами, не было ничего серьёзного сделано британским политическим истеблишментом. За эту проблему взялись фашисты. Её сейчас пытаются решать старые левые, в форме коалиции «Уважайте единство» (Respect Unity Coalition), послание которой, по сути, такое: «Не критикуйте мусульман». Всё может стать ещё хуже, прежде чем наступит улучшение, особенно если произойдут новые самоубийственные террористические атаки, произведённые британскими мусульманами.

БКШ: Сильное ли влияние на положение вещей оказала «война с террором»?

БЗФ: Я думаю, что она запугала многих радикалов и затруднила массовую работу. Государство определённо действует с использованием более репрессивных тактик. Присутствует также массированная пропаганда, которая говорит: «Ты с Америкой или ты против Америки». Существуют статьи в СМИ, утверждающие, что помимо родившихся за границей террористов, существуют также доморощенные террористы, среди которых — сторонники превосходства белой расы, анархисты и радикальные природоохранные группы вроде Фронта Освобождения Земли (ELF) / Фронта Освобождения Животных (ALF). В некоторой степени, чем дольше затягивается война в Ираке, тем больше люди становятся ей недовольны. Существует растущее антивоенное движение, и это подрывает понятие о преданности нынешнему правительству. Люди чувствуют прилив смелости и открыто высказываются. Это может добавить пространства для диалога и для радикальных голосов.

КВ: Это стало бедой для межрасовых отношений в Соединённом Королевстве. Различные сообщества ещё больше отдалились друг от друга, и, скорее всего, политический истеблишмент в Великобритании / США это не заботит, а людей вроде Бен Ладена и британских мусульманских экстремистов это радует.

Когда происходит поляризация, люди выбирают стороны. И каждый раз, когда британского мусульманина видят обсуждающим джихад или восхваляющим тех, кто сражается с войсками США / Великобритании в Ираке или Афганистане, это означает ещё кучу голосов и жертвований для БНП.

БКШ: Что должно сделать боевое антифашистское движение, чтобы одержать победу?

БЗФ: Это большой вопрос, на который у меня нет хорошего ответа.

Я думаю, важнее всего то, что мы должны принимать участие в борьбе, не ограничиваясь просто антифашистскими уличными битвами. Я думаю, что у нас должны быть группы по мониторингу и что нам надо следить за различными фашистскими фронтами, однако наш вызов фашизму может быть брошен на более широкой арене. Я думаю, мы вступим в бой с фашистскими политическими течениями (как открыто, так и квазифашистскими) в связи с вопросами иммиграции, а также борясь против развязанной США войны.

Также мы не можем просто рассматривать фашизм как белое / европейское течение. Он глубже, и он международен. Нам следует анализировать различные оппозиционные движения и критически подходить к тому, что, как и кого мы поддерживаем. Некоторые

люди думают, что те, кто борется против американского / британского империализма в Ираке или Афганистане заслуживают безоговорочной поддержки, но каковы политические взгляды этих групп? Хотим ли мы оказывать поддержку движениям, которые выступают против женщин, против гомосексуалистов, авторитарны и негативно настроены к политике, в которой участвуют широкие народные массы? Я бы сказал, что нет. Но для кого-то эти вопросы не имеют значения.

Я считаю, что нам надо по-настоящему и постоянно сохранять антифашистскую точку зрения. Антифашизм — это всеобъемлющий политический подход, применимый не только тогда, когда мы на улице дерёмся с наци-скинами.

КВ: Чтобы победить, нам нужно изучить своего противника, одолеть его и заменить.

Я не уверен, что у нас есть радикальное антифашистское движение, и я не уверен, что мы хотели бы называть себя «радикалами». Я всегда говорил, что я умеренный — экстремистами являются люди, которые хотят идти на компромиссы с фашистами!

БКШ: Наконец, какой самый лучший совет вы могли бы дать тому, кто недавно присоединился к движению, о том, как бороться с фашизмом и за свободное общество?

БЗФ: Думайте, будьте критичны и не относитесь к дебатам и анализу как к чему-то, что не имеет отношения к нашей борьбе. Тем не менее, не позволяйте сложным вопросам мешать вам и вашему движению действовать. Политическая ситуация меняется, и она может потребовать новых стратегий; обсудите это с теми, кто кажется серьёзным и проявляет интерес к вашим идеям. И, наконец, не забывайте о безопасности. Будьте умными, будьте осторожными, не ввязывайтесь в дело без каких-либо планов.

КВ: Знайте, каким вы хотите видеть мир. Знайте своего врага и помните вот что — нам надо побеждать фашистов каждый раз, им надо победить нас только однажды. Если они придут к власти, то мы покойники. Буквально.

Версия #1

Зверобой создал 13 апреля 2025 14:40:12

Зверобой обновил 13 апреля 2025 14:41:47